

сь восторгомъ на арену пытокъ и казней. «Человѣческая жизнь духовна,—устанавливаетъ писатель,—человѣкъ есть духъ, частица божества, заключенная въ извѣстныхъ границахъ. Жизнь не подлежитъискаженію, еще менѣе страданію. Страданія разрушаютъ границы, стѣсняющія нашъ духъ и возвращаютъ насъ (уничтожая обольщеніе материальности) къ свойственному человѣку пониманію своей жизни какъ духовной».

Вселенское сознаніе, духъ всего міра есть Богъ. Въ человѣкѣ есть сознаніе Бога, человѣкъ сознаетъ въ себѣ духъ независимый отъ плоти. Человѣкъ сознаетъ въ себѣ Бога и долженъ служить Ему. «Мы знаемъ Бога потому, что знаемъ Его въ себѣ». Вся наша жизнь есть «проявленіе въ ограниченной формѣ того внѣпространственного и внѣвременного начала всего, которое мы сознаемъ въ себѣ».

Подлинное чувство своего «я» есть единственный путь къ уразумѣнію міра и себя въ немъ. Это тотъ мистический индивидуализмъ, живое выраженіе которого мы находимъ у такихъ поэтовъ-мыслителей, какъ Карлейль и Эмерсонъ, черпавшихъ познаніе изъ внутренняго эмоціального опыта и переводившихъ потомъ данные этого опыта на мысль и слово. Каковъ бы ни былъ міръ, самъ по себѣ,—говоритъ Толстой, внѣ напихъ несовершен-